

УДК 811.111'373.4

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ РОССИИ И ЛЕГИТИМИЗАЦИИ США В РЕЧИ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИ ООН

Т. М. Голубева

Голубева Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт экономики и управления Нижегородского государственного технического университета имени Р. Е. Алексеева, gtm212@mail.ru

В статье проводится исследование языковых средств и риторических приемов, участвующих в реализации стратегии делегитимизации России и легитимизации США в выступлениях американских представителей при ООН Саманты Пауэр и Дэвида Прессмана, посвященных теме сирийского военного конфликта 2015–2016 гг.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика, оценочно-нейтральная лексика, отрицательные коннотации, дисфемизмы, аллюзии, эвфемизмы, приемы ошибочной аргументации.

Linguistic and Rhetorical Parameters of Delegitimizing Russia and Legitimizing the USA in the Speech of the U. S. Ambassadors to the UN

Т. М. Golubeva

Tatiana M. Golubeva, ORCID 0000-0002-3909-5364, Institute of Economics and Management of the Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alexseev, 24, Minin str., Nizhny Novgorod, 6039509, Russia, gtm212@mail.ru

In the article the author conducts the research of linguistic means and rhetorical techniques applied in implementing the strategy of delegitimizing Russia and legitimizing the USA in the addresses of the U. S. ambassadors to the UN Samantha Power and David Pressman, dedicated to the topic of the 2015–2016 military conflict in Syria.

Key words: emotional and evaluative lexis, neutral lexis, negative connotations, dysphemisms, allusions, euphemisms, faulty argument techniques.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-383-388

Взаимодействие языка и общества является предметом многочисленных социолингвистических исследований, проводимых с опорой на концептуально-методологическую базу критического дискурса-анализа. Представители данного научного направления анализируют как завуалированные, так и прозрачные случаи доминирования, дискриминации, власти и контроля, манифестируемые в языке. Наиболее эксплицитно отношения между языком и властью выражены в политическом дискурсе. Важнейшими стратегическими функциями политического дискурса являются легитимизация и делегитимизация. Стратегия легитимизации, т. е. придания законного статуса тем или иным политическим

субъектам, действиям, решениям, ориентирована на положительное представление говорящего и заключается в актуализации глобальных и неоспоримых идеологических принципов. Стратегия делегитимизации, т. е. отрицания законности тех или иных политических субъектов, действий, решений, направлена на дискредитацию оппозиции посредством обвинения, отчуждения, критики морального облика и мотивов поведения соперника¹. Данное исследование выполнено в обозначенном теоретическом формате и имеет целью выявить и описать средства языка и риторики, участвующие в реализации стратегии делегитимизации России и стратегии легитимизации США в выступлениях американских послов на заседаниях Совета безопасности и Генеральной ассамблеи ООН, посвященных теме сирийского военного конфликта. Выбор материала исследования обусловлен актуальностью тематики, а также необходимостью идентификации случаев использования языковых средств и приемов аргументации, направленных на формирование у реципиента определенного отношения к предмету сообщения.

Анализ показывает, что комментарии постоянного представителя США при ООН Саманты Пауэр и представителя США по особым политическим делам Дэвида Прессмана относительно российско-сирийской военной кампании 2015–2016 гг. характеризуются смещением смысловых акцентов. В своих выступлениях они нивелируют значимость усилий, предпринимаемых российскими и сирийскими правительственными вооруженными силами по освобождению сирийских городов от военизированных групп террористов, и фокусируют внимание целевой аудитории на бедственном положении мирных жителей, оказавшихся в эпицентре военных действий. На языковом уровне это, в частности, выражается использованием оценочной лексики, актуализирующей противоправный и антигуманистический характер деятельности России и руководства Сирии в лице президента Б. аль-Ассада.

Так, в своих выступлениях от 20 и 26 октября 2016 г. посол С. Пауэр заявляет, что жилые кварталы восточной части города Алеппо, контролируемого различными террористическими организациями, включая ИГИЛ, «подвергаются избиению», а сами жители «в отчаянии и в ужасе от того, что Россия и сирийский режим сотрут их в порошок»: *When we don't say "the Syrian regime" or "Russia," we obscure responsibility in a way that*

each of us would find totally intolerable if we found our families or our neighborhoods **pummeled** like those in eastern Aleppo²; They're desperate. And they're terrified of being **pulverized** by the Russian Federation and by the Syrian regime³. Объектом материально намеренных действий, выраженных оценочными понятиями **pulverize** «стирать в порошок» и **pummel** «избивать» является мирное население, а субъектами – Россия и правительство Сирии. В данном случае посредством этих понятий реализуется стратегия виктимизации Сирии (стратегия, манифестирующая существование преступлений, совершенных другими), которая позволяет квалифицировать российско-сирийскую антитеррористическую военную кампанию как «нарушение гуманитарного права». Позиционирование народа Сирии как жертвы, а России и сирийского правительства как агрессоров и военных преступников также осуществляется благодаря использованию экспрессивной гиперболической метафоры **raining down bombs** «сыпать бомбы». Создаваемые при этом отрицательные эмоционально-оценочные коннотации усиливаются за счет эмотивного квалификатора **relentlessly** «безжалостно»: *First and foremost, the crisis is fueled by the bombs that Syrian and Russian planes have been relentlessly raining down on civilians in eastern Aleppo*⁴. По мнению С. Пауэр, воздушные удары российской и сирийской авиации по позициям боевиков в восточном Алеппо стали причиной гуманитарной катастрофы, поскольку сделали невозможной доставку продуктов питания, воды и медикаментов в осажденные боевиками городские кварталы: *The cause is also that Syria and Russia's bombardment has made it impossible for humanitarian aid to reach the civilians trapped in the inferno they have created*⁵. Использование С. Пауэр эмоционально окрашенной метафоры **inferno** «ад» в словосочетании **trapped in the inferno** «захваченный в ловушку» для описания сложной ситуации, в которой оказалось гражданское население, не покинувшее зону военных действий, обуславливает представление России и Сирии как источников зла и смертельной угрозы для сирийского народа.

В другом выступлении использование оценочно значимой метафоры **apocalyptic** «апокалиптический» для характеристики последствий авиационных ударов также имеет целью представить происходящие события в гиперболизированном виде, подчеркнуть масштабность и серьезность гуманитарного кризиса: *It is apocalyptic what is being done to eastern Aleppo. Surely, for Rawan – who, at five years old, has lost her entire family – this Council can at the very least have the courage to say who is responsible for this. And, in a single voice, tell Russia to stop*⁶. Для интенсификации эмоционального тона высказывания С. Пауэр приводит сообщение о пятилетнем ребенке, чья семья погибла в результате воздушного налета. В данном случае автор высказывания использует прием ошибочной аргументации «призыв к милосердию», так

называемый «argumentum ad misericordiam», при помощи которого стремится вызвать у реципиента чувство жалости и сострадания и в результате получить его/ее согласие с собственной позицией. Апеллируя к чувству долга членов Совета безопасности, С. Пауэр призывает их возложить вину за потери среди мирного населения в восточном Алеппо на российские вооруженные силы и запретить России вести военные действия.

Прагматически значимы и эмоционально выразительны квалификаторы и номинативы отрицательной оценки, используемые американскими представителями для описания военной операции России и Сирии. Эпитеты **relentless (ly)**, **merciless**, **savage (ly)**, **terrifying**, **bloody**, употребляемые в словосочетаниях **relentless airstrikes and blockades** «безжалостные авиаудары и блокады»⁷, **relentlessly pummel** «безжалостно избивать»⁸, **merciless bombing** «безжалостные бомбежки»⁹, **savage war** «жестокая война»¹⁰, **savagely trapped** «варварски захваченный»¹¹, **terrifying military offensive** «ужасающее военное наступление»¹², **bloody chaos** «кровавый ужас»¹³, способствуют созданию образа жестокого агрессора, деятельность которого может быть расценена как преступление против человечества. В своих выступлениях С. Пауэр уподобляет воздушные удары российской авиации по позициям боевиков в восточном Алеппо «совершению зверств», называет российско-сирийскую военную кампанию «дикостью», а последствия авианалетов «неописуемыми ужасами»: *You may hear Russia claim credit for briefly pausing its aerial assault on eastern Aleppo. But it is not and must never become praiseworthy to refrain from committing atrocities*¹⁴; *Assad and Russia are unleashing a savagery against people they call terrorists*¹⁵; *Accountability starts by speaking the truth about who is responsible for the unspeakable horrors we are witnessing*¹⁶. Посол Д. Прессман, в свою очередь, характеризует действия России как «варварство»: *We have heard so many warnings in this chamber; so many words of anguish offered, so many descriptions of the barbarism that is unfolding, а саму Россию именуем «поставщиком террора в Алеппо», уподобляя российские методы ведения военной кампании действиям головорезов: Russia has become one of the chief purveyors of terror in Aleppo using tactics more commonly associated with thugs than governments*¹⁷. Подобные сравнения и номинации отрицательной оценки позволяют говорящим не только подвергнуть сомнению необходимость и целесообразность российско-сирийских воздушных налетов, но и присвоить операции по освобождению города от групп вооруженных террористов статус военного преступления.

Обращает на себя внимание употребление американскими представителями дисфемистических лексических единиц. Так, критикуя российских представителей при ООН за попытку заручиться поддержкой Совета безопасности по

вопросу продолжения авиаобстрелов восточного Алеппо, посол Д. Прессман использует слово **slaughter** «бойня»: *What Russia wants is for there to be more talk. What we want is less talk and more action – for them to stop the slaughter*¹⁸, а С. Пауэр, обращаясь к членам Совета безопасности с призывом выступить против проведения Россией воздушных налетов, употребляет в своей речи слово **carnage** «резня»: *And while members of this Council – certainly including the United States – have a deep interest in having constructive ties with the Russian Federation, history will not look kindly on those Council members who stay silent in the face of this carnage*¹⁹. Существительные **carnage** «резня» и **slaughter** «бойня» обозначают массовое убийство, т. е. умышленное убийство большого количества, как правило, невооруженных людей. Они имеют выраженные отрицательные эмоционально-оценочные коннотации и в контексте официальной речи приобретают свойства слов-дисфемизмов. Согласно определению Т. В. Матвеевой, «дисфемизм – это намеренно резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным. Термин “дисфемизм” применяется относительно ситуаций, заведомо предполагающих корректность общения, и фиксирует такое нарушение корректности. Дисфемизация речи используется в целях дискредитации речевого партнёра и нарушает постулаты речевого общения»²⁰. Выбор именно такой, стилистически маркированной, лексики для описания фактов гибели мирных жителей вследствие авиаударов по городским кварталам, захваченным террористами, свидетельствует о намерении говорящих эмоционально воздействовать на адресата, создать у него представление о преступности, жестокости и неприемлемости действий России.

В своих выступлениях С. Пауэр и Д. Прессман иногда ссылаются на высказывания высокопоставленных представителей ООН. Как правило, эти высказывания содержат в себе отрицательную оценку действий России, т. е. носят осуждающий характер. В данном случае американские послы используют прием ошибочной логической аргументации «обращение к авторитету», или *argumentum ad veresundiam*, целью которого является заставить адресата сообщения принять какое-либо утверждение как правильное или соответствующее действительности на том лишь основании, что данное утверждение было сделано источником, считающимся авторитетным. Ссылка на авторитет позволяет говорящим дать более весомое обоснование собственной позиции по тому или иному вопросу.

Так, в своей речи на заседании Совета безопасности от 8 октября 2016 г. Д. Прессман приводит высказывания специального представителя ООН по Сирии Стаффана де Мистура и Генерального секретаря Пан Ги Муна, в которых присутствуют слова-дисфемизмы **massacre** «рез-

ня» и **slaughterhouse** «скотобойня», используемые для характеристики сложной гуманитарной обстановки в Алеппо: *We heard Special Envoy de Mistura implore the Security Council to take urgent action to avert a large-scale massacre, noting that failure on our part would be a tragedy and a stain on this Security Council that lingers like others in recent history. ...Secretary-General has described Aleppo as worse than a slaughterhouse; the UN Special Envoy has warned the city will be completely destroyed by the end of the year*²¹. В другом случае американский посол с готовностью повторяет в своем выступлении прозвучавшее в речи С. де Мистура слово **alibi** «алиби», актуализирующее преступный характер деятельности России и сирийского правительства: *As United Nations Special Envoy Staffan de Mistura said, Russia and the regime cannot use the presence of several hundred extremists as an “easy alibi” to destroy an area of the city with more than 275,000 civilians whose lives hang in peril. ... We must be equally clear that Russia and Assad need to stop hiding behind alibis while their bombs kill and maim children. No more alibis*²². Для усиления обличительной направленности высказывания и создания более выразительного образа врага и агрессора Д. Прессман использует упомянутый ранее прием ошибочной аргументации «*argumentum ad misericordiam*», который реализуется в его речи посредством использования фразы «их бомбы убивают и калечат детей».

Концептуальное моделирование действий России как военного преступления также осуществляется при помощи социально значимых аллюзий. Посредством аллюзий говорящий может вызвать негативные ассоциации или создать негативные коннотации, не будучи ответственным за них. Данное свойство аллюзий обуславливает их частое применение в политической риторике с целью дискредитации личности, действия или идеи. Выступая с критикой воздушных обстрелов города Алеппо российской авиацией, С. Пауэр выстраивает логически несвязное, неясное по смыслу, но эмоционально яркое и ассоциативно значимое высказывание, в котором реализуются сразу два риторических приема – аллюзия и аналогия: *It's not Srebrenica 20 years ago. It's not Rwanda 22 years ago. It's Grozny, but it's today and it's in eastern Aleppo*²³. Посредством аллюзии на события гражданской войны в Югославии в 1995 г. и Руанде в 1994 г. посол С. Пауэр проводит аналогию между признанными на международном уровне случаями умышленного массового убийства мирного населения с событиями Первой чеченской войны. Таким образом, американский представитель дискредитирует российскую военную кампанию по ликвидации незаконных вооруженных формирований на территории Чечни 1994–1995 гг. В то же время, уподобляя штурм города Грозного ударам российской авиации по позициям террористов в восточном Алеппо, она представляет действия России в Сирии как

вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Делегитимизация России и сирийского правительства в речи американских послов сопровождается позиционированием Соединенных Штатов Америки как апологета справедливости, правопорядка и сторонника мирного разрешения конфликтов. Так, С. Пауэр, говорит, что «США сделают все возможное, чтобы найти политическое решение этого конфликта и положить конец насилию»: *The United States will do whatever we can to find a political solution to this conflict and end this violence*²⁴. Д. Прессман, в свою очередь, заявляет о намерении США «искать способы деэскалации насилия, установления перемирия и начала настоящего политического процесса»: *The United States remains committed to finding ways to de-escalate this violence, put a ceasefire in place, and start a genuine political process*²⁵. Дискурсивный анализ показывает, что высказывания С. Пауэр и Д. Прессмана о действиях США на Ближнем Востоке, как правило, носят обобщенный, официальный характер, не содержат эмоционально-оценочной лексики, метафор, эпитетов и образных сравнений и акцентируют внимание на антитеррористической направленности американской военной операции.

Американские представители неоднократно делают заявления о том, что Соединенные Штаты возглавляют международную коалицию по борьбе с терроризмом. Так, в своем выступлении на заседании Совета безопасности по Сирии от 25 сентября 2016 г. посол С. Пауэр сообщает, что «коалиция из шестидесяти семи стран во главе с США отвоевала сорок процентов территории, захваченной ИГИЛ в Ираке и Сирии, и с каждой неделей освобождает все больше мирных жителей, потерявших надежду на спасение»: *Let's be clear: there are terrorists in Syria – lots of them – and all of us have an interest in destroying them. They pose a threat to all of our citizens. That is why the United States leads a 67-country coalition that has rolled back 40 percent of ISIL's territorial holdings in Iraq and Syria, and which each week liberates more desperate civilians. That is why the United States negotiated the recent agreement with Russia, signaling that we were prepared to work with Russia to fight Jabhat Al-Nusra and ISIL in Syria*²⁶. В этом и других случаях для описания действий США в отношении террористических организаций С. Пауэр использует слова нейтральной оценки, вуалирующие смертоносный характер таких военных действий, как бомбовые удары и ракетные обстрелы. Так, в рассмотренном примере употребляется глагол **fight** «бороться» в словосочетании *to fight Jabhat Al-Nusra and ISIL* «бороться с Джабхат ан-Нусрой и ИГИЛ». В других высказываниях используются глаголы **eliminate** «устранять», **defeat** «побеждать» и **target** «атаковать», не имеющие выраженных отрицательных коннотаций: *There are terrorists in Syria, clearly, and they must be eliminated. That is why the United States is targeting*

*the Nusra Front, and it is why the United States leads a coalition of nearly 70 countries against ISIL, which the Syrian government had taken virtually no action against*²⁷; *ISIL's atrocities are in a category unto themselves, which is why the United States leads a 67-member coalition to defeat this terrorist organization*²⁸.

В аналогичном, официальном, оценочно нейтральном тоне выдержаны сообщения посла Д. Прессмана. Так, в речи на заседании Совета безопасности от 8 октября 2016 г. действия вооруженных сил США в отношении террористических организаций описываются при помощи тех же самых лексические единиц, что использует в своей речи его коллега, – глаголов **fight** «бороться» и **target** «атаковать». Характеристика самих террористов отличается эмоциональной сдержанностью – применяемые для их описания квалификаторы **serious** «серьезный», **deadly** «смертельный» и **dangerous** «опасный» стилистически нейтральны и не вызывают ассоциаций с жестокостью, преступлением и агрессией. Интересно, что единственный в данном высказывании Д. Прессмана квалификатор отрицательной оценки **relentless** «безжалостный», употребляемый в словосочетании «безжалостны в нашей борьбе с терроризмом», создает в данном контексте положительные эмоционально-оценочные коннотации, поскольку актуализирует яркую приверженность США делу борьбы с терроризмом: *There are terrorists in Syria. A lot of them. The United States doesn't need anyone to explain why terrorists are serious, deadly, and dangerous. That there are terrorists in Syria is the reason the United States leads a 67-member coalition in the region to fight them. It is why this week the United States conducted an airstrike that targeted a senior Nusra leader in Idlib, Syria. The United States will be relentless in our fight against terrorism. We spent months looking for a way to work with Russia on a campaign that would have effectively targeted Al-Nusra*²⁹. Обращает на себя внимание использование в рассмотренных выше примерах стилистически нейтрального, эмоционально невыразительного глагола **target** «делать мишенью», «атаковать» в словосочетаниях *is targeting the Nusra Front, targeted a senior Nusra leader, would have effectively targeted Al-Nusra*. С. Пауэр и Д. Прессман употребляют его вместо более точных по смыслу в этом контексте, но способных вызвать у реципиента такие негативные эмоции, как страх и неприязнь, слов **attack** «нападать», **kill** «убивать», **destroy** «уничтожать». В данном случае глагол **target** выполняет функцию эвфемизма, призванного представить военные действия США и их последствия в более приемлемом с точки зрения этики и морали виде.

С позиции лингвистики эвфемизмы можно охарактеризовать как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными,

грубыми или нетактичными. Под эвфемизмами понимаются окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого»³⁰. Проведенный анализ показал, что эвфемизация присуща и другим высказываниям американских представителей. Так, отвечая на обвинения российской стороны в том, что американская авиация нанесла воздушные удары по войскам и военной технике сирийской правительственной армии в сентябре 2016 г., посол С. Пауэр использует в своей речи сразу несколько эвфемизмов, призванных сгладить неприятное впечатление, которое произвели заявления российских представителей. В частности, она употребляет абстрактное существительное **target** «цель» в словосочетании **an ISIL target** вместо конкретного существительного «боевики», называет бомбовые удары, в результате которых погибли шестьдесят два сирийских военнослужащих и около ста были ранены, «происшествием» **incident**, а умышленное убийство большого количества людей – «человеческими потерями» **the loss of life**: *We are still gathering information at this time, but we have been able to confirm that, earlier today, the United States struck what we believed to be an ISIL target. We halted the attack when we were informed by Russia that it was possible that we were striking Syrian regime military personnel and vehicles. We are investigating the incident. If we determine that we did indeed strike Syrian military personnel, that was not our intention, and we, of course, regret the loss of life*³¹. Использование эвфемистических выражений позволяет нейтрализовать отрицательный эмоциональный заряд сообщения и заретушировать антигуманистическую и противозаконную направленность действий американских ВВС в Сирии.

Исследование установило, что стратегия делегитимизации России как участника военной антитеррористической операции в Сирии 2015–2016 гг. в выступлениях С. Пауэр и Д. Прессмана реализуется посредством концептуального моделирования российской военной операции в Сирии как военного преступления. Такие средства лингвистики, как лексика отрицательной оценки, в том числе слова-дисфемизмы, и приемы риторики – гиперболы, метафоры, сравнения, аллюзии, прием ошибочной аргументации *argumentum ad misericordiam*, обуславливают создание представлений о действиях России и сирийского руководства как агрессии и нарушения международного гуманитарного права. Обоснование законности американских военных действий в Ираке и Сирии осуществляется посредством дискурсивного позиционирования США как борца с терроризмом, миротворца и защитника гуманитарных ценностей. Оценочно нейтральная лексика и эвфемизмы, используемые для описания действий американских вооруженных сил, официальный стиль изложения информации, характеризующийся отсутствием

эмоционально окрашенных слов и фигур речи, способствуют формированию представлений об этической приемлемости и правомерности проведения Соединенными Штатами Америки военной операции на Ближнем Востоке.

Примечания

- 1 См.: Cap P. Language and legitimization : Developments on the proximization model of political discourse analysis // Lodz Papers in Pragmatics. 2005. № 1. P. 7–36.
- 2 Power S. Remarks at a Meeting of the General Assembly on the Situation in Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7500> (дата обращения: 21.12.2016).
- 3 Power S. Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7511> (дата обращения: 21.12.2016).
- 4 Power S. Remarks at a Meeting of the General Assembly on the Situation in Syria.
- 5 Ibid.
- 6 Power S. Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7453> (дата обращения: 28.12.2016).
- 7 Ibid.
- 8 Power S. Remarks at a UN Security Council Briefing on the Humanitarian Situation in Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7568> (дата обращения: 28.12.2016).
- 9 Ibid.
- 10 Power S. Remarks before UN Security Council Consultations on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7462> (дата обращения: 21.12.2016).
- 11 Ibid.
- 12 Pressman D. Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by France and Spain // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7474> (дата обращения: 28.12.2016).
- 13 Ibid.
- 14 Power S. Remarks at a Meeting of the General Assembly on the Situation in Syria.
- 15 Power S. Remarks before UN Security Council Consultations on Syria.
- 16 Power S. Remarks at a Meeting of the General Assembly on the Situation in Syria.
- 17 Pressman D. Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by France and Spain.
- 18 Pressman D. Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by Russia // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7475> (дата обращения: 28.12.2016).
- 19 Power S. Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7453> (дата обращения: 28.12.2016).

- ²⁰ *Матвеева Т.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010. С.15.
- ²¹ *Pressman D.* Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by France and Spain.
- ²² *Pressman D.* Remarks at a UN Security Council Open Debate on the Situation in the Middle East // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7497> (дата обращения: 28.12.2016).
- ²³ *Power S.* Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7511> (дата обращения: 21.12.2016).
- ²⁴ *Power S.* Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7453> (дата обращения: 28.12.2016).
- ²⁵ *Pressman D.* Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by France and Spain.
- ²⁶ *Power S.* Remarks at a UN Security Council Briefing on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7453> (дата обращения: 28.12.2016).
- ²⁷ *Power S.* Remarks at a Meeting of the General Assembly on the Situation in Syria.
- ²⁸ *Power S.* Remarks at a UN Security Council Briefing on the Humanitarian Situation in Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7568> (дата обращения: 28.12.2016).
- ²⁹ *Pressman D.* Explanation of Vote on a Security Council Resolution on Syria proposed by France and Spain.
- ³⁰ *Ярцева В.* Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 590.
- ³¹ *Power S.* Remarks before UN Security Council Consultations on Syria // U. S. Mission to the United Nations. URL: <https://2009-2017-usun.state.gov/remarks/7437> (дата обращения: 28.12.2016).

Образец для цитирования:

Голубева Т. М. Лингвистические и риторические параметры делегитимизации России и легитимизации США в речи американских представителей при ООН // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 383–388. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-383-388.

Cite this article as:

Golubeva T. M. Linguistic and Rhetorical Parameters of Delegitimizing Russia and Legitimizing the USA in the Speech of the U. S. Ambassadors to the UN. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 383–388 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-383-388.
